

© 1995 г. И.Б. ЛЕВОНТИНА

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ БЕЗ ЦЕЛИ*

Человек, вероятно, может вынести
все, кроме отсутствия целей.

Л.Я. Гинзбург

1. Прототипические и несобственно-целевые употребления целевых слов.

В современной лингвистике давно стало общепризнанным представление о цели как атрибуте человека и, соответственно, о том, что целевые слова всегда включают представление о целесообразном субъекте см. [Grochowski 1980]. Ср., например, известные толкования А.К. Жолковского и Ю.Д. Апресяна: "*P* – цель лица *A*, если *A* считает (=исходит из того), что есть один или несколько "путей" (=способов) к *P*, полностью состоящих из тех предметов и действий (=ресурсов), которые зависят от (=которыми располагает) *A*; если один из них (=план) *A* предпочитает остальным и если *A* предпочитает расстаться с составляющими его ресурсами, нежели не достичь *P*; к этому добавляется формулировка принципов целесообразного поведения [Жолковский 1964: 69]; "цель – это то, что некто хочет (содержание чьего-л. желания) и считает, что может каузировать (результат каузации) с помощью имеющихся в его распоряжении ресурсов" [Апресян 1974: 129].

Это, конечно, совершенно верно. Однако эти толкования естественным образом ориентированы на прототипические для смысла "цель" контексты. А при описании конкретных целевых слов лингвисты довольно часто сталкиваются с такими употреблениями, к которым весьма трудно буквально применить некоторые элементы толкования [см., например, Крейдлин 1992, Кобозева, Лауфер 1991]. Недостаточно было бы сказать, что подобные употребления являются несобственно-целевыми; существенно, что имеется круг смыслов, отличных от смысла "цель", который систематически обслуживается в естественном языке целевыми словами.

По-видимому, мы имеем дело с некоторой особенностью наивной телеологии, отличающей ее от современного рационального представления о целеполагании (я рассматриваю проблему на русском материале, однако очевидно, что она не является национально специфичной). Я надеюсь показать, что смысл "цель" может интерпретироваться в языке расширительного, причем это размывание возможно в двух основных направлениях. Во-первых, прототипическое понятие цели ослабляется за счет постановки разного рода потенциальных и условных целей (это характерно почти исключительно для слов *для* и *чтобы* в контексте предикатов со значением необходимости (нужно и т.п.), а также в контексте таких предикатов, как *достаточно*, *слишком* и т.п. – и для самих слов типа *нужен*, *слишком*). Таким модальным разновидностям цели посвящен второй раздел настоящей статьи.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Центрально-Европейского университета (Research Support Scheme of the Central European University grant № 247/94). Я благодарю за помощь и критические замечания Ю.Д. Апресяна, а также О.Ю. Богуславскую, Е.В. Урысон и участников семинара Ю.Д. Апресяна в ИППИ, на котором эта работа была доложена.

Во-вторых, возможен отход от прототипического понимания цели в смысле интерпретации фигуры субъекта: он может быть обобщенным, провиденциальным, или вообще речь может идти скорее о квази-субъекте, субъект может раздваиваться и быть неопределенным. Естественно, что в этом случае особым образом понимаются многие составляющие смысла "цель", в центральных случаях ориентированные на отдельного конкретного человека: такие как "субъект хочет <считает, предпочитает>". В третьем и последующих разделах речь пойдет преимущественно об этом втором типе ослабленного понимания цели.

Разного рода несобственно-целевые употребления характерны для большинства целевых слов¹. Причём практически внутри любой группы единицы противопоставлены с точки зрения степени возможности таких употреблений. Источник этого семантического противопоставления коренится в самой структуре смысла "цель". Ср. приведенное в начале статьи толкование Ю.Д. Апресяна: цель – это, с одной стороны, содержание чьего-то желания, а с другой – предполагаемый результат. И смысловой акцент может приходиться на каждую из этих частей.

Естественно, что несобственно-целевые употребления менее возможны для слов, у которых на первом плане индивидуальные побуждения, желания субъекта, и более – для слов, ориентированных в первую очередь на идею достижения результата. Так противопоставлены *ради* и *для*, *дабы* и *чтобы*, *задача* и *цель*, *к чему* и *зачем*, *намеренно* и *специально*, *назначение* и *функция*, *намерение* и *замысел* и др. Например, предлог *ради* имеет очень высокий "личностный накал": для него чрезвычайно существенны индивидуальные побуждения субъекта, его предпочтения и представление о ценностях, его личный выбор. Слово же *функция*, напротив, максимально обезличено.

2. Модусы целеполагания.

В прототипическом случае цель является актуальной, т.е., говоря о цели, мы подразумеваем, что субъект действительно хочет, чтобы какая-то ситуация начала иметь место; ср. *Чтобы разжечь огонь, мне нужны спички*. Актуальная цель не всегда конкретизируется: она может быть самоочевидной (чтобы было хорошо, вкусно, приятно, чтобы все в мире шло своим чередом и т.п.). Ср., например, фразы типа *Нужно открыть окно <добавить сахару>*. Можно назвать такую неконкретизируемую цель тривиальной целью, она выводится из особенностей текущей ситуации или из аксиом действительности.

Однако в некоторых случаях идея целеполагания заключается в сложную модальную рамку, которая несколько видоизменяет и сам смысл "цель". Это явление связано с контекстами практической необходимости или, в терминологии Г.Х. фон Вригта, "технического долженствования" [Вригт 1986: 324]. В языке соответствующие предикаты регулярно управляют целевыми выражениями – это могут быть именные группы с предлогом *для* или придаточные предложения, вводимые союзом *чтобы*, (для этого <чтобы сделать это>, нужно...), а также слово *зачем*. Цель, которая фигурирует в этих контекстах, может быть ирреальной: потенциальной или конвенциональной (условной).

2.1. Потенциальная цель.

Наиболее типичная разновидность ирреальной цели – это потенциальная цель. В отличие от обычной, актуальной цели, которая предполагает, что субъект действительно хочет чего-либо, потенциальная цель вводит в рассмотрение предполагаемый результат, о котором не утверждается, что он является желательным. Он просто рассматривается как такой, которого можно и естественно желать.

Потенциальная цель имеет место в контекстах типа следующего: *Чтобы доехать отсюда до работы, мне нужно полчаса, а чтобы доехать до дома – час, так что*

¹ Почти все рассмотренные здесь целевые слова были предварительно описаны в статьях, составленных мною для Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (научный руководитель Ю.Д. Апресян). О концепции словаря см. [Апресян 1992].

поеду лучшие на работу. Говоря так, человек не имеет в виду, что у него две цели – поехать на работу и поехать домой. Он только указывает на то, что в случае, если он поставит перед собой эти цели, то сможет их достичь при тех или иных условиях.

Ср. следующий пример, который построен на противопоставлении потенциальной и актуальной цели в составе предиката практической необходимости – любимая фраза З. Гиппиус (зафиксированная мемуаристами): "Если надо объяснять, то не надо объяснять". Первое *надо* предполагает потенциальную цель (если хотеть, чтобы понял). Второе *надо* предполагает актуальную цель (хочу, чтобы понял). В первом случае *не надо* понималось бы в смысле "и так поймет" (цель будет достигнута в любом случае), во втором *не надо* означает – "пусть и не понимает" (нет такой цели, потому что если человек глуп, нечего с ним иметь дело).

Можно предложить следующее толкование для понятия потенциальной цели: "Оценивая возможность предполагаемого результата Р, который рассматривается как такой, которого можно и естественно хотеть, человек считает, что Р не будет иметь места, если не будет использован ресурс Х". Как видно из этого толкования, основные составляющие смысла 'цель' в этом случае сохраняются, однако происходит подрыв характерного для прототипической цели свойства: спаянности смыслов "хотеть" и "считать возможным", которая в значительной степени определяет специфику целеполагания.

2.2. Конвенциональная (условная) цель.

Компонент "результат Р рассматривается как такой, которого можно и естественно хотеть" объясняет, почему вне специфического полемического контекста странно звучат фразы типа *Чтобы уничтожить все живое, нужно в сто миллионов раз больше этого вещества*.

В полемике они, однако, возможны: здесь имеет место совершенно особое явление – конвенциональная (условная) цель (ср. также *Чтобы простудиться, мне нужно два часа стоять на морозе; Чтобы пересолить, нужно добавить еще две ложки соли*). Естественные контексты для таких высказываний – контексты типа: *Да не бойся, я не простужусь, если выскочу на минутку на улицу; Да нет, суп вовсе не слишком соленый*. Здесь не предполагается в действительности, что субъект имеет или может поставить перед собой такую цель (простудиться, пересолить или уничтожить все живое). Цель постулируется лишь в качестве допущения для удобства рассуждения, желательность соответствующего результата даже не обсуждается.

Условная цель всегда конкретизируется, тогда как актуальная и даже потенциальная – не всегда (см. пример выше).

В случае условной цели значение высказываний с предикатами долженствования почти сводится к условным отношениям, ср. "если не буду два часа стоять на морозе, то не простужусь". Однако целевое допущение позволяет человеку начать рассуждение с предполагаемого результата, а к нему подвергать условия, причины и т.п. Поэтому подобные рассуждения и встречаются обычно в контексте полемики: они позволяют человеку опровергнуть, например, неправильный прогноз или утверждение общего характера. Так, фраза *Чтобы уничтожить все живое, нужно в сто миллионов раз больше этого вещества* естественна как аргумент, опровергающий утверждение, что производство соответствующего количества некоторого вещества угрожает гибелью всему живому.

Предлагается следующее толкование для понятия условной цели: "Оценивая возможность предполагаемого результата Р, как если бы кто-то хотел (имел целью) его достигнуть, говорящий считает, что Р не будет иметь места, если не будет реализовано условие Х". Из этого толкования видно, что смысл "цель" привлекается в рассматриваемых употреблениях по аналогии, в риторических целях.

Понятие конвенциональной цели представляет собой источник развития разного рода аналитических, эпистемических и т.п. значений предикатов долженствования; ср.

Нужно очень любить студентов, чтобы столько с ними возиться; см. [Кобозева, Лауфер 1991]. Здесь собственно целевое содержание целевых слов полностью выхолащивается, место цели занимает гипотеза, а место средства – аргумент в ее пользу.

2.3. "Овеществленная" цель.

По-особому предстает идея цели в ситуации, когда обсуждаются не люди и их действия, а предметы и их бытование в мире людей. В этом случае мы видим цель воплощенной в вещи. Так в театре марионеток мы смотрим на движения кукол и судим по этим движениям о замысле невидимого нам художника. Речь идет прежде всего о словах типа *назначение* (*предназначение*, *функция*, *миссия*, *роль*); см. [Левонтина 1995; Крейдлин 1992]. Толкование важнейшей общей части смысла, лежащего в основе этих слов, можно сформулировать так: "то, для чего объект нужен". В это толкование, в конечном счете, входит компонент "цель", т.к. он входит в толкование самого слова *нужен* [Кобозева, Лауфер 1991].

Однако перечисленные слова очень сильно отличаются друг от друга с точки зрения интерпретации этой овеществленной цели. Они распадаются на две группы. В словах *назначение* и *предназначение* подразумевается прежде всего цель, ради которой данный объект был создан, при этом неизвестно, как он реально используется, между тем в словах *функция*, *миссия* и *роль* на первом плане то, какие конкретные действия должен выполнять данный объект, или какие действия должны выполняться с его участием, т.е. то, как он используется для достижения некоторой цели в конкретной ситуации. Рассмотрим это противопоставление на примере семантических различий между синонимами *назначение* и *функция*.

Слово *назначение* (в основном круге употреблений) указывает на то, для чего данный предмет обычно нужен. *Назначение* реализуется чаще всего регулярно, причем не только данным конкретным предметом, но и всем классом предметов, созданным людьми специально для совершения некоторого полезного действия. Ср. "В нижние комнаты, где было просторнее, он [гардероб] не годился по несоответствию назначению, а наверху не помещался вследствие тесноты" (Б. Пастернак. Доктор Живаго); *Они изобрели несколько устройств, работающих на том же принципе, но несколько иного назначения. Одно из этих изобретений – индикатор отрицательных температур.*

По указанной причине *назначением* обладают большинство артефактов: инструменты, механизмы, вместилища и иные объекты, которые создаются специально ради определенного свойства. Ср. *Что общего у магнитофона и солнечной батареи, гидролокатора и поляризационного микроскопа? Несмотря на разное назначение, эти устройства имеют общую особенность – в каждом работают кристаллы.* Применительно к таким объектам, используемым в утилитарных целях, *назначение* оказывается одним из свойств-параметров, наряду с весом, размером и т.п. Поэтому *назначение* – единственное из слов данного ряда – может употребляться в типичной для параметрических существительных конструкций *Х такого-то назначения* как обязательным определением (ср. *Х такого-то веса <размера, роста>*). Ср. «...я тоже видел, как он переезжал. Для наших географических условий зрелище впечатляющее. Масса каких-то предметов неизвестного назначения, каждый обернут фольгой и на каждом крупными буквами "IVANKO"» (В. Войнович, Иванькиада).

Уникальная особенность данного слова проявляется и в выражении *использовать что-л. по назначению*, где *назначение* – свойство самой вещи. *Не по назначению* значит "не так, как предусмотрено создателями вещи". *Назначение* сохраняется у предмета даже в том случае, если он никогда не был использован в соответствии с ним. Ср. также полутавтологическое выражение *прямое назначение*. *Назначение* может быть только прямым: *по прямому назначению* как раз и значит "строго по назначению".

Во многих употреблении *функция* очень близка к *назначению*. Но если *назначение* – свойство предмета (или во всяком случае представляется как таковое), то *функция* – это его деятельность, работа в составе какого-то целого, например, детали в составе механизма, института в составе государства и т.п.; ср. «Всего только первый год, первый шаг славного пути был пройден ВЧК, а уже, как не совсем внятно пишет Крыленко, возник «спор между судом и его функциями – и внесудебными функциями ЧК...»» (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАг).

Назначение присуще предмету, как таковому, а *функция* определена во времени; *назначение* потенциально, а *функция* актуальна или узуальна; *назначение* статично, а *функция* динамична. *Функции* объекта могут меняться, и их может быть много, т.к. один и тот же объект может входить в разные целые. В этом смысле *функция* концептуализируется не как свойство, а скорее как состояние; ср. в какой-л. *функции*.

Назначение характеризует в основном артефакты, а *функции* могут быть практически у любых объектов: *функции внутренних органов, функции суда <начальника отдела>, функция этой детали <этого упражнения>* и т.д.

В случае, если речь идет о предмете, для которого данная *функция* – главное, *функция* сближается с *назначением* и они становятся полностью или частично взаимозаменяемыми; ср.: *Экскурсовод показывал первобытные орудия и объяснял их назначение <их функции>*. «Хотя иногда угадывалось назначение комнаты – столовая, салон, возможно, детская, – в общем их роднило отсутствие понятных функций» (И. Бродский. *Fondamenta degli incurabili*).

Назначение, таким образом – это стандартная, типовая *функция* предмета – *функция*, которая лежала в основе замысла и которую он выполняет в норме.

Очень похоже устроено противопоставление между словами *предназначение* и *миссия*; см. [Левонтина 1995].

Аналогичное значение («то, для чего объект нужен») систематически выражается в русском языке предлогом *для*, а также другими предлогами – *на, под, к*. Ср. следующие контексты, в которых различаются целевое *для* и *для*, указывающее на назначение. *Для стрижки овец он купил новые ножницы* [цель] и *Он купил новые ножницы для стрижки овец* [назначение]. Аналогично ведет себя предлог *на*. Так, фраза *Он потратил все деньги на дом* двузначна. Если имеется в виду, что он купил дом, то *на* выражает здесь идею цели. Если же говорящий хочет сказать, что субъект не купил дома, а растратил отложенную сумму, то *на* указывает на назначение².

Ясно, что *ножницы для ногтей* остаются таковыми и в том случае, если никогда не были использованы по назначению. Точно так же и в следующем примере указание на назначение не мешает объяснять, как нужно использовать предмет совершенно иным способом: «А еще прекраснее вот что (записывайте): Пиво жигулевское – 100 г. Шампунь "Садко – богатый гость" – 30 г. Резоль для очистки волос от перхоти – 70 г. Клей БФ – 12 г. Тормозная жидкость – 35 г. Дезинсекталь для уничтожения мелких насекомых – 20 г. Все это неделю настаивается на табаке сигарных сортов – и подается к столу...» (Вен. Ерофеев. Москва–Петушки).

3. Расширительные интерпретации субъекта целеполагания.

Каноническим субъектом целеполагания является отдельный человек, причем рассматриваемый как личность, а не просто как живое существо. Это связано с такими

² Во многих случаях выражаемые предлогами смыслы "цель" и "назначение" плохо отделимы один от другого, что само по себе демонстрирует близость этих словосочетаний; ср. несколько примеров: "Не домой, / не на сулу, а к любимой / в гости / две / морковники / нес / за зеленый хвостик" (В. Маяковский. *Хорошо!*). "Каждый выбирает по себе / Слово для любви и молитвы, / Шпагу для дуэли, меч для битвы" (Ю. Левитанский. *Каждый выбирает для себя*). "Пару соток под застройку, / под огурцы отвели" (А. Цветков. *Каждый злак земли подо мной*). "А сырку к чайку или ливерной – / Тут – двугривенный, там – двугривенный... / А где ж их взять?" (А. Галич. *Фарс-гильюль*). "Жареный лук я не Бог весть как люблю, разве что приправой к картошке" (Ф. Горенштейн. *Койко-место*).

входящими в состав смысла цель компонентами, как "хотеть", "считать", "предпочитать" и др. Как и другие слова, описывающие человека как личность, многие целевые слова применимы, помимо этого (иногда с большей или меньшей долей метафоричности), к двум несколько неканоническим типам субъектов: это, с одной стороны, группы людей и организации, а с другой – животные и маленькие дети.

Однако особенность целевых слов состоит в том, что при них представление о субъекте может подвергаться дальнейшему размытию. Можно выделить три основных типа непрототипических субъектов целеполагания: провиденциальный субъект (высшая сила), обобщенный субъект (люди вообще или некоторый обобщенный представитель человеческого рода, носитель "аксиом действительности") и квази-субъект. Под квази-субъектом здесь понимается субъект, которому не приписывается никаких свойств, кроме свойства быть субъектом целеполагания. Нужно только оговориться, что эта классификация несколько условна, т.к. явление непрототипического субъекта возникает в ситуации, когда сама фигура субъекта целеполагания теряет определенные очертания.

Тип субъекта не находится в прямой зависимости от модуса целеполагания, хотя имеются наиболее характерные сочетания этих двух признаков. Субъектом актуальной цели чаще всего бывает конкретный человек, но это не обязательно. Так, в высказывании *Нужно, чтобы искусство служило людям* субъект понимается как обобщенный (люди вообще) или провиденциальный (высшая сила), однако имеется в виду актуальная цель, т.е. для субъекта, как бы его ни интерпретировать, соответствующее положение дел является желательным. Надо, впрочем, отметить, что говорить о желаниях применительно к кому-либо, кроме отдельного человека, можно лишь расширительно.

Подобные рассуждения о "практической необходимости" часто встречаются и по отношению к природе; ср. *Для образования хлорофилла <чтобы происходил процесс фотосинтеза,> нужен солнечный свет*. Здесь вряд ли уместным был бы вопрос "Кому нужен?", то есть имеет место явление квази-субъекта. Однако и в этом случае помимо смысла "если не будет света, то не будет и хлорофилла" есть еще нечто: ведь само по себе условное отношение безразлично к каким-либо предпочтениям, а здесь явно в каком-то виде присутствует что-то вроде желания (актуальной цели), чтобы процесс фотосинтеза шел. Ср. также *Для чего нужны мухи?; Волки тоже нужны – они очищают лес от больных и слабых животных*. Подобные высказывания предлагается толковать следующим образом: "Рассматривая природный процесс как нечто сходное с деятельностью, направленной на достижение некоторой цели Р, говорящий считает, что субъект этой деятельности, кто бы он ни был, не сможет достичь своей цели иначе, как используя ресурс Х".

Если не учитывать данный – хотя и трудноуловимый – компонент смысла, то невозможно объяснить, почему без специфического полемического контекста выглядят странно фразы типа *Для гибели всего живого нужно...*

Потенциальная цель также часто связана с конкретным субъектом, как в приведенном выше примере с поездкой домой или на работу. Однако более типична ситуация, когда сочетаются потенциальная цель и обобщенный субъект (все и каждый); ср. *Чтобы разжечь огонь, нужны спички*.

3.1. Неканонический субъект о вещественной цели.

Неканонические интерпретации субъекта целеполагания очень характерны, в частности, для слов со значением "то, для чего объект нужен", сама смысловая структура которых такова, что предопределяет определенную слабость позиции субъекта и возможность различного его понимания.

Специфика этих слов состоит в том, что не указывается, чья цель имеется в виду, и субъектной валентности у них нет. При этом сам смысл "цель" предполагает наличие субъекта. Эта парадоксальная ситуация создает возможности для семантического варьирования и семантической неопределенности.

В словах *назначение, предназначение, функция, миссия* фигура субъекта целеполагания находится, таким образом, как бы за кадром, так как эти слова служат для описания предметов, не надёленных собственной волей или не рассматриваемых в качестве действующих самостоятельно. Некоторые семантические противопоставления между этими словами связаны, тем не менее, с разной интерпретацией позиции субъекта.

С этой точки зрения различаются синонимы *назначение* и *предназначение*. Если *назначение* указывает прежде всего на то, для чего данный объект нужен людям, то *предназначение* ассоциируется скорее с высшей волей, высшим разумом. Лишь иногда речь может идти о человеческой воле. Поэтому обычно говорят о *предназначении* сущностей высокого порядка – людей и других объектов (народ, искусство, труд и т.п.), которые мыслятся как носители разума, души, причем им приписывается фундаментальное значение. В соответствии с этим, когда говорят о *назначении поэзии*, имеют в виду прежде всего ее пользу: *Назначение поэзии – пробуждать в людях добрые чувства*. Если же говорят о *предназначении поэзии*, то имеют в виду скорее ее красоту безотносительно к пользе или даже ее божественный замысел. В этом отношении слово *предназначение* близко к таким словам, как *судьба, участь, предначертание*, которые изображают происходящие события как определенные заранее и, возможно, кому-то заранее известные.

Миссия, которая по другим признакам противопоставлена *предназначению*, сближается с ним в аспекте источника. В обоих случаях это воля божественная, сверхъестественная или же исходящая от какой-то высшей силы, например государства. Если же она исходит от человека, то лишь от такого, который может полностью распоряжаться другим человеком. Поэтому чаще всего речь идет о чем-то важном.

В слове *функция* вообще нет представления о чьей-то воле, оно основано на идее потребности: объект нужен для успешного осуществления какого-либо действия или правильного течения процесса; ср. *Функция печени – очистка крови*. Если в словах *назначение* и *предназначение* легко примысливается обобщенный или провиденциальный субъект, то слово *функция* не подразумевает столь определенно-го ответа на вопрос "Кому это нужно?". Здесь можно говорить скорее о квази-субъекте, примысливаемом *ad hoc* или допускаемом по аналогии. Цель при этом актуальная: она состоит в том, чтобы процесс протекал успешно или в соответствии с нормой (то, что выше было названо тривиальной целью). *Функция*, в отличие от многих других целевых слов (и подобно, например, слову *нужно*), может описывать не только деятельность людей, но и природные процессы, которые в некоторых случаях язык интерпретирует как нечто сходное с целесообразной деятельностью.

Это хорошо видно при сопоставлении слова *функция* со словом *роль*, которое является его близким синонимом и может заменять его во многих контекстах. *Роль* при этом не является целевым словом, характеризуя лишь место объекта в ситуации и сближаясь по смыслу с такими словами, как *место, значение* и т.п.

Функция описывает то, что является нормой, осуществляется регулярно и, следовательно, как бы запланировано на будущее. Если же говорится об отклонении от нормы, о разовом нестандартном событии, то можно употребить только слово *роль*; ср. *Сгусток крови играет роль <* выполняет функцию> пробки, закупоривающей сосуд*.

Поскольку слова ряда *назначение, предназначение* и т.п. указывают на свойства объекта, вовлекаемого активным субъектом в его целенаправленную деятельность, естественно предположить, что они могут различаться с точки зрения того, предполагается ли у носителя соответствующего свойства активность и сознательность при осуществлении деятельности. Вообще возможность раздвоения субъекта целе-

направленной деятельности предопределена двойственностью этой позиции: он является субъектом целеполагания и субъектом деятельности. Эта коллизия характерна для различных целевых слов.

С этой точки зрения наиболее отчетливо противопоставлены синонимы *предназначение* и *миссия*. В *миссии* больше самостоятельности, чем в *предназначении*. Предназначение может осуществляться и активно, и пассивно, *миссия* же осуществляется обычно активно и в большей степени сознательно. Ср. невозможное **Его миссия – стать жертвой...* при нормальном *Его предназначение – стать жертвой...* Однако сколь бы ни был самостоятелен носитель *миссии*, за ним всегда стоит верховный каузатор. В этом одно из ее отличий от *задачи*, которую человек сам может поставить перед собой, а не только воспринять извне.

Рассмотренные выше предлоги, вводящие указание на функцию или назначение, тоже могут подразумевать различную интерпретацию неназванного субъекта целеполагания. Так, например, такие сочетания, как *ножницы для ногтей*, *соус к мясу*, предполагают скорее всего обобщенный субъект целеполагания, а *ткань на платье*, *банка под огурцы* – конкретный субъект.

3.2. Псевдосубъект и раздвоение субъекта целеполагания.

Для многих других целевых слов также можно привести контексты, в которых указание на субъекта отсутствует или смещено, так что цель приписывается псевдосубъекту, в то время как настоящий субъект оставлен за кадром. Ср. *Зачем тут лежит эта ручка? Вода специально течет?* В работе [Рахилина 1989] отмечается, что *зачем лежит* понимается как *зачем положили*. Вообще применение целевых слов к объектам, которые не рассматриваются как наделенные волей субъекты целеполагания, легко интерпретируется в смысле наличия другого целесообразного субъекта; ср. "Что это за музыка? – Тайный советник. Это в ресторане, принцесса. – Принцесса. Зачем у нас в ресторане всегда играет музыка? – Тайный советник. Чтобы не слышно было, как жуют, принцесса" (Е. Шварц. Тень). "Зачем он у вас такой закутанный? – спросила служащая женщина. – Ему тяжело" (Л. Гинзбург. Заблуждение воли).

В последнем примере подразумевается совершенно конкретный субъект (вы). В следующем примере восстановить, о чьей воле идет речь, можно из исторического контекста: "Сейчас домоуправления с большим или меньшим успехом обслуживают свои дома и в них живущих. В 30-х годах они существовали с совсем другой целью, им самим, может быть, не вполне ясной. Не только для слежки за обитателями дома; еще более для того, чтобы напоминать ежечасно этому обитателю, что все, чем он располагает, даже в частном быту, можно прекратить, отобрать, запретить" (Л. Гинзбург. Оцепенение).

Однако подобные построения всегда чреваты тем, что возникнет иллюзия самостоятельности псевдосубъекта: он действует как бы сам по себе. Ср. следующий пример: «Смысл шахматной игры для любителей шахмат заключен в двух словах – радость общения... А в чем смысл игры для шахматных фигур? У них своя цель – взять в плен короля чужой армии. ...Черная ладья по линии "d" не имеет видимых целей» (Д. Бронштейн. Самоучитель шахматной игры). Если сказать, что *цель ладьи* – это то же, что цель игрока, поставившего ладью на данное место, это будет не совсем верно. Возможно, он раньше не думал об этой ладье, а теперь обдумывает сложившуюся позицию и возможности ладьи. Возможно, говорящий доигрывает партию за другого и вообще не ставил ладью на линию "d". А может быть (это и имеет место в данном случае), он просто анализирует позицию, известную из истории шахмат. Конечно, здесь не имеется в виду, что субъект – это какой-либо конкретный шахматист. Здесь вводится некий квази-субъект, неважно даже, человек это или сама шахматная фигура, и делается попытка угадать, какие цели он мог бы преследовать, действуя соответствующим образом. В действительности речь идет не о целях, а о

возможностях использования ладьи. Но обсуждаются они в терминах целеполагания. От настоящего целеполагания это отличается специфическим модусом "как если бы".

3.3. Рассуждение о целях по аналогии при отсутствии субъекта целеполагания.

В следующем примере хорошо видно, как работает оператор "как если бы" применительно к целевым словам: "Сегодня, устраивая новую комнату, я размышляла над пустотой своего письменного стола: кроме книг и бумаг – чернильница, перо, два карандаша (краденых), коробочка с кнопками, которая могла бы лежать и в ящике, но лежит наверху, очевидно для полноты картины" (Л. Гинзбург. Записи). *Для полноты картины* не может пониматься здесь ни как указание на то, что коробочка с кнопками обладает собственной волей, ни как указание на цель человека, положившего ее, – самой Л.Я. Гинзбург (об этом говорит слово *очевидно*: человек не может не знать своей цели). Размышляя над тем, что в том, как выглядит ее письменный стол, отразились особенности ее личности, образа жизни и т.п., Гинзбург описывает это так, как если бы кто-то целенаправленно составлял эту композицию, желая достичь максимального эффекта. При этом ясно, что никакое реальное участие посторонней воли не имеется в виду.

Таким образом, происходит следующее. Целеполагание присуще человеку. В свою целенаправленную деятельность человек вовлекает различные предметы. В вещах, используемых человеком, создаваемых им и т.п., отражаются и проявляются его цели, как бы застывают его замыслы. Но коль скоро замыслы явлены в вещах, они могут абстрагироваться от человека. А раз так, то, рассуждая о целях разных вещей, не всегда обязательно вспоминать о человеке. Но если рассуждение о вещах в терминах целеполагания возможно, то не обязательно ограничивать его только обсуждением таких положений дел, которые зависят от человека.

В случаях, когда целенаправленность приписана явно не истинному субъекту, возникает возможность бесконечных вариантов смысла, которые возникают за счет разных пониманий неназванного субъекта, помноженных на разную степень солидарности с ним псевдосубъекта.

3.4. Неоднозначность высказываний с неназванным субъектом целеполагания.

Если высказывание о цели не содержит указания на субъекта целеполагания, возникает возможность различных интерпретаций. Часто понять, какого рода субъект подразумевается в данном случае, невозможно без обращения к широкому мировоззренческому контексту. Рассмотрим три высказывания, очень похожие по структуре. Во всех примерах представлено сочетание *зачем* с предикатом существования или близкими предикатами и при этом субъектом целеполагания не является поверхностный субъект, как это имеет место, например, во фразах типа *Зачем ты живешь?* в смысле "Что ты хочешь добиться в жизни?"

Возглас Ивана Карамазова "Зачем живет такой человек?" обращен, скорее всего, непосредственно к Богу. В нем, конечно, не предполагается, что Федор Карамазов имеет какую-то цель в жизни, которую он сам себе поставил. Это высказывание построено так же, как высказывание *Зачем здесь лежит эта ручка?*, т.е., оно подразумевает, что имеется конкретный субъект, совершивший некое целенаправленное действие – положивший ручку или, как у Достоевского, устроивший так, чтобы такой плохой человек жил и его нельзя было убить. Сведение счетов с Богом – лейтмотив Ивана Карамазова. Его не устраивают цели и средства, он вступает с Творцом в дискуссию, возвращает ему билет и т.п.³

³ Вопросы о цели, обращенные непосредственно к Богу, очень характерны для поэзии, ср. строки современного поэта А. Цветкова: "Это небо мне не по плечу. / Господи! Зачем оно такое"; ср. также стихотворение И. Бунина: "Зачем в лесу звенит овсянка, / Грибы растут, цветы цветут / И травы ярки, как мядянка? – – – / "Ах, Боже мой! Ах, Боже мой!"

Несколько по-иному устроено стихотворение Батюшкова: "Ты знаешь, что изрек, / Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек? / Рабом родится человек, / Рабом в могилу ляжет, / И смерть ему едва ли скажет, / Зачем он шел долиной чудной слез, / Страдал, рыдал, терпел, исчез". *Зачем* относится одновременно к пяти глаголам не только не одного и того же вида, но еще и предполагающих разную степень участия человека: идти можно только самостоятельно, рыдает человек тоже сам, хотя, возможно, и произвольно, а исчезает абсолютно независимо от своей воли. Поэтому *зачем шел* понимается скорее как вопрос, обращенный к самому себе, а *зачем исчез* – только к провиденциальной воле. А в сочетании со всем списком глаголов вопрос *Зачем?* выглядит как попытка найти ответ хоть где-нибудь. Здесь нет претензии к Богу, здесь мы видим скорее отчаяние человека, не знающего, к кому обратиться с вопросом о цели.

И, наконец, третий смысл имеет следующее высказывание: "Но если твердо знать, что тоска пройдет, как твердо знаешь, что заживет порезанный палец... Раз это пройдет, то зачем ему быть? – не имеет смысла" (Л. Гинзбург. Записи). Здесь вообще никоим образом не подразумевается наличие провиденциального субъекта. Представление о цели вносится в мир, чтобы удобнее было его структурировать. В этом смысле спросить, *зачем* существует какое-то явление – значит выяснить его место в общей картине мироустройства, определить его положение в иерархии связей и ценностей.

3.5. *Зачем и почему*

Сказанное позволяет обратиться еще раз к уже обсуждавшемуся в лингвистике вопросу о разнице между целью и причиной. В работе [Рахилина 1989: 51] говорится, что *зачем* и *почему*, в сущности, (квази)синонимы и различаются только исходным предположением вопроса: "... вопрос со словом *зачем* может задаваться говорящим, только если он считает, что ситуация, о которой задается вопрос, – управляема. Если это не так, то должен быть задан вопрос со словом *почему*. Сказанное означает, что если (при условии, что к данному предикату возможны оба типа вопросов) задан вопрос со словом *зачем*, то слушающий понимает, что ситуация представляется говорящему управляемой. Напротив, если при тех же условиях из двух вариантов вопроса об оправдании выбран вариант с *почему*, то слушающий понимает, что говорящий оценивает ситуацию как неуправляемую (ср. противопоставления типа: *Почему вы смеетесь? – Зачем вы смеетесь?*; *Почему вы так громко говорите? – Зачем вы так громко говорите?*)".

Такая интерпретация не объясняет, однако, противопоставлений типа: *Почему ты так поступил? – Зачем ты так поступил?* Они явным образом не могут различаться представлением об управляемости: *поступить* не может указывать на неконтролируемое действие. Просто спрашивающего интересуют в этих случаях разные вещи. В случае с *почему* ожидается ретроспективное объяснение, так сказать, историческое: из каких составляющих сложилась эта ситуация, какие этапы к ней привели – неважно, в какой степени субъект контролировал ситуацию на каждом этапе пути. А в случае с *зачем* ожидается проспективное и идеальное объяснение: поступок сам рассматривается как часть пути к какой-то предвосхищаемой ситуации, и спрашивающий хочет установить его место.

Следующий контекст целиком построен на противопоставлении причин и целей одного и того же сознательного выбора: "Я всегда понимала, почему я изучаю русскую литературу XIX века, ... я изучаю литературу потому, что люблю ее, и потому, что мне в высшей степени свойственно рационалистическое отношение к своим привязанностям...

Наряду с этим существует вопрос, зачем мы занимаемся своей наукой. Здесь речь идет уже не о происхождении деятельности, а об оправдании индивидуально-практическом или этическом и социальном.

Оправдания бывают разные... Оправдание тем, что изучение литературы не хуже,

чем всякое другое, улучшает наше познание. Оправдание специфическим моментом сохранения культуры и даже попросту сохранения литературных произведений, которые перестают существовать, когда о них перестают говорить" (Л. Гинзбург. Записи).

Как мы видим, ответ на вопрос *Зачем?* по отношению к деятельности состоит здесь в сознании концептуального контекста, в рамках которого эта деятельность обретает ценность. Исходное предположение *зачем-вопроса* состоит не только и, может быть, не столько в том, что данная ситуация контролируется субъектом, но и в том, что данное действие, деятельность и т.п. не самодостаточны, не замкнуты в себе, а занимают какое-то место в иерархии, и значит, их существование оправдано (ощущение человека можно передать чем-то вроде "все в порядке"). Поэтому становится понятным стремление человека распространить сферу *зачем-вопросов* и на мироздание: сама их возможность действует успокаивающе.

4. Расширительные употребления целевых слов и наивная телеология.

В работе [Арутюнова 1992] показано, что так же как для природы характерна категория причины, для человека характерна категория цели, но с тем различием, что причина ассоциируется с ненормативными явлениями и отрицательной оценкой, а цели – с положительными событиями и позитивной оценкой" (с. 14). При этом "причина может быть транспонирована во внутренний мир человека, и тогда она идентифицируется с мотивом действия, приобретает свойственную ему субъективную модальность и входит в контакт с целью действия" (с. 15). Как видно из приведенных выше примеров, не только причина может захватить сферу человека, но и цель в естественном языке осваивает внешний по отношению к человеку мир.

4.1. Телеологизация мироздания как способ апологии.

Интересный материал такого рода приведен в работе [Крейдлин 1992] (в ней предлагается интерпретация этого материала при помощи введения параллельного концепту цели концепта предназначения, при этом смысл "предназначение" не считается производным от смысла "цель"). В частности, проанализирована яркая конструкция русского малого синтаксиса *На то и X, чтобы Р* (*На то и щука в море, чтобы карась не дремал*). В грамматиках эта конструкция квалифицируется как целевая; при этом вряд ли можно усмотреть здесь какого-либо субъекта целеполагания. В основе этой конструкции лежит представление людей о том, что все вещи имеют свое место в структуре мироздания, как если бы их кто-то целенаправленно расставил по местам. Представление о реальном агенте присутствует здесь не в большей мере, чем, например, в безличных предложениях типа *Вечереет; Меня знобит* и т.п.

В той же работе справедливо отмечается, что несколько другую семантику данная (или омонимичная) конструкция имеет в примерах типа *На то и учитель, чтобы учить; На то и севекровь, чтобы злиться*; ср. также пример из РГ-80, т. 2, с. 595: "Художник на то и художник, чтобы уметь поставить в себя вместо своего я – чужое" (Гаршин). Здесь имеется в виду "соответствие некоторого признака Р его носителю X" (с. 28). В обоих случаях конструкция *на то и X, чтобы Р* основана на "выделении существенных свойств" объекта. В этой связи уместно сравнить ее с другой характерной для русского языка конструкцией, также осмысляемой за счет представления о существенных свойствах объекта, – биноминативной тавтологической конструкцией *X есть X*; см. [Шмелев 1990].

В некоторых случаях эти два вида тавтологий могут употребляться сходным образом. Ср. два возможных ответа на жалобу, что дети шумят: *Дети есть дети; На то они и дети*. Между этими ответами, однако, есть разница. Если высказывания типа *Дети есть дети* выражают "примирение с действительностью" [Николина 1984, Шмелев 1990] (= "и ничего тут не поделаешь"), то в высказываниях типа *На то они и*

дети можно увидеть скорее апологию действительности ($\approx$ "так и надо"). Если в первом случае предлагается принять отрицательно оцениваемое свойство как неизбежное, то во втором оно представляется как положительное за счет постулирования *ad hoc* данного свойства как (квази) назначения.

Субъект целеполагания здесь, как и во многих рассмотренных выше случаях, может быть реконструирован: в некоторых примерах как обобщенный, особенно если речь идет об артефактах (*На то и скальпель, чтобы быть острым*), в других скорее как провиденциальный (*На то и солнце, чтобы светить*).

4.2. Целесообразность и цель.

Как уже говорилось, различные целевые слова имеют разные возможности несобственных употреблений. Очень показательно с точки зрения дрейфа в сторону от центра к периферии поля "цель" слово *целесообразный* (*целесообразно, целесообразность*). Здесь, по-видимому, идея аналогии входит непосредственно в лексическое значение.

В современном языке, если отвлечься от научной речи, в которой *целесообразный* часто употребляется в значении "имеющий цель" (например, *целесообразный субъект, целесообразная деятельность*, как это имеет место, в частности, в тексте настоящей статьи), это слово используется в значении, близком к " $\approx$ разумный, рациональный" (сами эти слова, впрочем, тоже употребляются по-разному). Ср. следующие примеры: *Ехать туда сейчас нецелесообразно*; "Ни премьер-министр, ни министр топлива и энергетики, ни министр внешнеэкономических связей не осмелились бы в открытую ратовать за возврат к квотированию, даже если бы кто-нибудь из них засомневался в целесообразности либерализации экспорта" (Сегодня. 27 дек. 1994).

Иначе говоря, *целесообразно* – это такая разновидность "хорошо". И это хорошо, потому что входит в кратчайший "путь" (по Жолковскому) к достижению цели. При этом *целесообразно* предпочитает тривиальные, самоочевидные в определенном контексте (идеологическом, историческом, тематическом и т.п.) цели, заполнение целевой валентности у него крайне затруднено. Подразумеваемой целью может быть экономическое процветание или торжество диктатуры пролетариата, как в следующих примерах: "Каковы бы ни были индивидуальные качества [подсудимого], к нему может быть применен только один метод оценки: это – оценка с точки зрения классовой целесообразности. ... В нашем революционном суде мы руководствуемся не статьями и не степенью смягчающих обстоятельств: в Трибунале мы должны исходить из соображений целесообразности" (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛар).

Суть такой *целесообразности*, в отличие, например, от идеи полезности, пользы, состоит в том, что *целесообразным* признается не то, что прямо и непосредственно достигает цели, а скорее то, что интуитивно ощущается как ведущее к ней каким-то неочевидным образом.

Размытость и принципиальная затененность формулировки цели делает это слово пригодным для разного рода демагогических построений. Всем памятны советские формулировки типа *считать нецелесообразным*. Вряд ли кто-нибудь мог бы объяснить, почему, например, безобидная туристическая поездка того или иного человека препятствует достижению какой-то цели, в чем состоит эта цель и кто является субъектом целеполагания. Однако такая формулировка была призвана создавать иллюзию мотивированности при отсутствии мотивировок.

Очень часто цель, которая может быть реконструирована, имеет еще более отвлеченный характер (что-то вроде "чтобы все было правильно"); ср. "Какой моралист укажет целесообразную границу человеческой тоске, границу выносимого, за которой тоска уже уничтожает человека. Какой моралист скажет: страдайте от сих пор до сих пор и постарайтесь вовремя остановиться. ... Благо людям, уверенным в

том, что они успеют остановиться у границы благоразумной тоски" (Л. Гинзбург. Записи). Не случайно слово *целесообразный* поставлено здесь в ряд со словом *благоразумный*. Однако и в таких контекстах они различаются: *благоразумный* – такой, чтобы сделать хорошо себе самому: *целесообразный* – скорее соответствующий некоторому метафизическому замыслу устройства мира.

Поэтому естественно, что это слово вполне свободно применяется не только по отношению к деятельности людей: ср. употребления типа *Как целесообразно устроены птицы! Кости у них полые, чтобы они могли летать!*; *Целесообразность природы удивительна*. Для данного слова эти контексты вполне нормальны и даже не маргинальны. В таких употреблениях не ощущается образность, перенос или идея провиденциального субъекта; это слово совершенно не имеет мистической подоплеки (в отличие от слов типа *судьба*). По-видимому, сам смысл слова *целесообразный* включает не только идею "≈ такой, который соответствует цели", но и дизъюнктивно присоединенную часть "≈ или такой, как если бы его целенаправленно создали или использовали для достижения цели".

5. Заключение. Языковая телеология и гуманитарная мысль.

Прежде чем перейти к общегуманитарной интерпретации полученных лингвистических данных, отметим, что из них можно сделать ряд лексикографических выводов.

5.1. Лексикографическое представление несобственных целевых употреблений.

При описании целевых слов мы систематически сталкиваемся с употреблениями, в которых отсутствуют ключевые компоненты смысла "цель": представление о целесообразном субъекте, его желании, его деятельности и т.п. Два наиболее простых выхода из этой ситуации таковы: можно внести изменения в толкование этого смысла и можно считать, что в данном случае соответствующие слова употребляются в другом – нецелевом – значении.

Анализ показывает, что во многих случаях наиболее естественный способ описания таких несобственных употреблений, тем не менее, предполагает привлечение смысла "цель" с последующим указанием на отклонения от него. Это связано с тем, что ситуация целенаправленной деятельности иногда используется как аналогия для описания ситуаций иного рода. Нужно ли в толкования отдельных слов вводить компоненты типа "как если бы", чтобы учесть возможные ослабленные смыслы? Это, несомненно, так, например, для слова *целесообразный*; отдельные интерес представляют слова типа *назначение* и *функция*. Однако для большинства целевых слов (таких как *зачем*, *цель* и т.п.), по-видимому, эти компоненты слишком периферийны и в толковании были бы вряд ли уместны.

При этом в системном лексикографическом описании необходимо учесть общую тенденцию расширительного употребления и типовые направления сдвигов (псевдоили квази-субъект, провиденциальный или обобщенный субъект; потенциальная и условная цель). Для каждого такого слова необходимо очертить индивидуальные границы.

5.2. Философские аналогии языковой концепции цели.

Наивная, языковая телеология – это явление другого рода, чем, например, наивная анатомия, которая создает мифологизированную, можно даже сказать мистифицированную картину мира [ср. Урысон 1994]. Языковая телеология в главных своих чертах очень точно соответствует рациональным представлениям. Интересно, что те ее положения, которые входят в противоречие со стандартными рационалистическими представлениями, парадоксальным образом находят подтверждение в некоторых научных концепциях.

Рассмотренный аспект наивной телеологии перекликается с философской телеологией, начиная с Сократа, Платона и Аристотеля (и даже раньше). Телеологию в ее метафизическом аспекте традиционно интересовал не человек (человеческое целепо-

лагание трактовалось скорее в контексте этики – проблема цели и средств и т.п.), а устройство мироздания⁴.

Понятия причинности недостаточно, чтобы объяснить гармоничность мира, соотносительность частей с целым, рациональность (полые кости у птиц и т.п.) – для этого вводились понятия потенциальной цели, провиденциальной цели, целепричины и т.п. [Трубников 1968]. Современная философия науки также не отказалась от телеологической (квазителеологической, телеономической) модели объяснения в естественных науках; см. подробный анализ проблемы в работе Г.Х. фон Вригта "Объяснение и понимание" [Вригт 1986]. В этой работе, в частности, развитие научной мысли рассматривается как борьба двух традиций: "аристотелевской" (телеологической) и "галилеевской" (каузалистской).

Наиболее близка языковая концепция цели, как мне представляется, к телеологии Канта. Вернее, наоборот: в своей телеологии Кант невероятно точно воспроизвел устройство нашего мышления. В "Критике способности суждения" он писал о целесообразности природы: "...природа посредством этого понятия представляется так, *как если бы* (выделено мной) некий рассудок содержал в себе основание единства многообразного содержания ее эмпирических законов. Целесообразность природы есть, следовательно, особое априорное понятие, которое имеет свое происхождение исключительно в рефлектирующей способности суждения. В самом деле, продуктам природы нельзя приписывать отношение природы в них к целям; этим понятием можно пользоваться только для того, чтобы рефлектировать о них, имея в виду ту связь явлений в природе, которая дана по эмпирическим законам. Это понятие совершенно отличается также от практической целесообразности (человеческого искусства или же нравственности), хотя оно мыслится *по аналогии* (выделено мной) с ней" [Кант 1966: 179].

Кант, собственно, и выводит свою телеологию из понятий о рассудке. Человеческий рассудок, по Канту, дискурсивный, он мыслит предмет посредством понятия. Можно (теоретически) представить себе интуитивный рассудок, который бы созерцал предметы, для него целое существует раньше своих частей, а части происходят из целого. Для дискурсивного же рассудка целое механически складывается из частей, и мыслить целое как причину, порождающую свои части (например, применительно к происхождению организмов), наш рассудок может только посредством понятия естественной цели, то есть телеологически.

Ставшая объектом многочисленных упреков в умозрительности и субъективизме, эвристическая телеология Канта необычайно реальна и, как видно из приведенного материала, имеет опору в закрепленной в языке структуре человеческого сознания.

С другой стороны, идеи Канта и их сопоставление с наивной телеологией позволяют снять с языковой картины мира обвинения в дезориентирующем современном человека первобытном анимизме.

Этот упрек бросает "нашему отравленному языку", например, Хайек: «Как наивное или неразвитое сознание склонно одушевлять все, что движется, точно так же оно предполагает деятельность разума или духа везде, где, по его представлениям, присутствует цель. Ситуация осложняется тем, что, по-видимому, эволюция рода человеческого всякий раз до некоторой степени повторяется на ранних стадиях

⁴ Ср. в этой связи известное "пятое доказательство" Фомы Аквинского: "Пятый путь принимается из управления вещами. Ибо видим, что тела природы, лишенные тем или иным образом сознания, действуют по причине цели: это явствует из того, что они всегда или большей частью действуют одним и тем же способом, чтобы достичь того, что является наилучшим. Отсюда становится очевидным, что они приходят к цели не случайно, а стремятся к ней. Те же, которые не обладают сознанием, не иначе стремятся к цели, как будучи направляемы неким познающим и разумным, как стрела – стрелком. Следовательно, есть некий разум, который упорядочивает все природные вещи в направлении цели, которую мы называем Богом".

развития индивидуального сознания". Хайек приводит слова Ж. Пиаже о том, что ребенок начинает с того, что везде усматривает цели. "И лишь позднее сознание начинает замечать различие между целями самих вещей (анимизм) и целями тех, кто их создает (артифициализм). Анимистические коннотации тянутся за многими ключевыми словами, особенно за теми, что описывают случаи возникновения порядка». Подобные слова (Хайек упоминает, в частности, слова типа *факт, порядок, заставлять, предпочитать*), "без которых нельзя обойтись при описании безличных процессов, все еще вызывают во многих умах представление о некоем одушевленном действующем лице". Хайек даже на этом основании возлагает на язык часть ответственности за пагубную живучесть социалистических идей, поскольку "социализм с его понятием "общества" представляет собой позднейшую форму анимистических интерпретаций порядка" [Хайек 1992: 186–187].

Однако, как видно из приведенных примеров словоупотреблений, языковая телеология слишком сложна и изощренна, чтобы можно было говорить о том, что она возвращает сознание людей к первобытному состоянию.

5.3. Наивная телеология и антропоцентричность языка

В рассмотренном свойстве языка можно увидеть одно из многочисленных проявлений его антропоцентричности: желая рассуждать о мире не как о хаосе, а как об упорядоченном, гармоничном и прогнозируемом, "оформленном" космосе, человек делает это в терминах целеполагания, потому что собственная целенаправленная деятельность – наиболее естественная и понятная модель для него.

Существенно при этом, что в основе наивной телеологии лежит не просто антропоцентрическая модель, но модель, ориентированная на деятельность. И если в телеологизации мироздания в языке можно увидеть сходство с классической метафизической философией, то лежащее в ее основании представление о человеке действующем созвучно более современным философским, социологическим и психологическим концепциям. Как показано в психологии, наличие цели оценивается чрезвычайно положительно, так как цель организует существование человека и придает ему осмысленность [Леонтьев 1971: 13–28].

Положение о ценностной нагруженности представления о цели иллюстрирует также следующее рассуждение, которым хочется завершить настоящую статью: "Человек ходит без дела по улицам, и ему кажется, что он теряет время. Ему кажется, что он теряет время, если он зашел поболтать к знакомым. Ему больше не кажется, что он теряет время, если он может сказать: я воспользовался вечерней прогулкой, чтобы зайти к NN, или – я воспользовался визитом к NN, чтобы наконец вечером прогуляться. Из сочетания двух ненужных дел возникает иллюзия одного нужного" (Л. Гинзбург. Записи)⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. М., 1974.
Апресян Ю.Д. 1992 – О новом словаре синонимов русского языка // ИАН. СЛЯ. 1992. Т. 1.
Арутюнова Н.Д. 1992 – Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
Вригт Г.Х. фон 1986 – Логико-философские исследования. М., 1986.
Жолковский А.К. 1964 – Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 8. М., 1964.
Кант И. 1966 – Сочинения в шести томах. Т. 5. М., 1966.

⁵ Интересно, что если в наивной метафизике цель представляет собой ценность, то в наивной этике наличие цели часто связывается с чем-то отрицательным, ср. соответственно обвинительные и оправдательные коннотации у слов *нарочно* и *нечаянно*.

- Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* 1991 – Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Крейдлин Г.Е.* 1992 – К проблеме языкового анализа концептов "цель" vs. "предназначение" // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Левонтина И.Б.* 1995 – Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. // Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 1995.
- Леонтьев А.Н.* 1971 – Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971.
- Николина Н.А.* 1984 – Структурно-семантические особенности предложений типа "Жизнь есть жизнь" // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984.
- Рахилина Е.В.* 1989 – Отношение причины и цели в русском языке // ВЯ. 1989. № 6.
- РГ-80* 1982 – Русская грамматика. Т. 2. М., 1982.
- Трубников Н.Н.* 1968 – О категориях "цель", "средство", "результат". М., 1968.
- Урысон Е.В.* 1994 – Душа, сердце и ум в языковой картине мира // Путь. 1994. Т. 6.
- Хайек Ф.А.* 1992 – Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
- Шмелев А.Д.* 1990 – Парадоксы идентификации // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. М., 1990.
- Grochowski M.* Pojęcie celu. Studia semantyczne, Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980.